

Переводы

МАРИО ТРОНТИ

Стратегия отказа

doi: 10.22394/2074-0492-2020-1-215-237

Адам Смит утверждает — и Маркс подмечает точность этого наблюдения, — что поистине колоссальное развитие производительной силы труда (*forza produttiva*) начинается, когда он трансформируется в наемный труд; а именно, когда условия труда противостоят ему в форме капитала¹. Можно было бы пойти дальше и сказать, что реальное развитие политической силы (*forza politica*) трудящихся начинается с момента, когда они становятся рабочими, то есть когда вся совокупность общественных условий противостоит им в качестве капитала. Таким образом, мы видим, что политическая сила рабочего класса неразрывно связана с производительной силой наемного труда. Власть капитала (*pottere*), напротив, — это прежде всего социальная сила (*potenza sociale*). Власть рабочего класса — это потенциальная власть над производством, т. е. над отдельным аспектом общества. Капиталистическая власть — это реальное господство над обществом в целом. Но природа капитала такова, что он нуждается в *обществе, сосредоточенном на производстве*. Производство, являющееся отдельным аспектом общества, становится, таким образом, целью всего общества. Тот, кто контролирует производство и господствует над ним, контролирует все и господствует над всем. Даже если фабрика и общество были бы полностью интегрированы на экономическом уровне, на политическом уровне они навсегда останутся в противоречии. Именно

215

Марио Тронти — итальянский философ и политик, один из ключевых теоретиков операистского марксизма. Преподавал в Сиенском университете; с 2013 по 2018 год был сенатором от Демократической партии Италии. Живет в Риме.

Mario Tronti is an Italian philosopher and politician, one of the key theorists of operaist Marxism. He taught at the University of Siena; from 2013 to 2018 he was a senator from the Democratic Party of Italy. Lives in Rome.

Впервые опубликовано в: Tronti M. (2018) *Workers and Capital*. London and New York: Verso. Translation © David Broder 2019. Перевод с английского Анны Егоровой под редакцией Дмитрия Жихаревича и Ивана Напреенко.

1 В английском переводе слова *forza*, *pottere* и *potenza* переведены как *power*, поэтому в скобках дается итальянское слово. — *Прим. пер.*

фронтальное столкновение между *фабрикой как рабочим классом* и обществом *как капиталом* станет одним из самых высоких и зрелых моментов классовой борьбы. Препятствовать реализации капиталом своих интересов на предприятии — значит блокировать функционирование общества в целом, и, таким образом, открыть путь к свержению и уничтожению власти капитала. Попытаться вместо этого взять на себя управление «всеобщими интересами общества» (*general interests of society*) означало бы примитивную редукцию фабрики к капиталу, по существу, путем редуцирования рабочего класса — части общества — к обществу в целом. Но если производительная сила труда совершает качественный скачок вперед, когда ее использует отдельный капиталист, она также совершает политический скачок вперед, когда организуется всем общественным капиталом. Поскольку такой политический скачок вперед может не иметь организационного выражения, внешний наблюдатель может заключить, что он и вовсе не имел места. И все-таки он существует как материальная реальность, и факта этого спонтанного существования достаточно, чтобы рабочие отказались от борьбы за старые идеалы — хотя этого отказа может быть и недостаточно для того, чтобы рабочий класс взял на себя инициативу в подготовке нового плана борьбы за новые цели.

Итак, можно ли сказать, что мы до сих пор живем в тот длительный исторический период, когда, по мнению Маркса, рабочие представляют собой «класс против капитала», но все еще не «класс для себя»? Или же нам следует утверждать обратное, несколько нарушив гегелевскую триаду? То есть сказать, что изначально, перед лицом непосредственного начальника, рабочие *непосредственно* становятся «классом для себя» и действительно признаются в качестве такового первыми капиталистами. И только впоследствии, пройдя полный тягот и испытаний исторический путь, который, по всей видимости, еще не окончен, рабочие достигают той точки, где они активно, субъективно являются «классом против капитала». Чтобы претворить этот переход в жизнь, необходима политическая организация, партия, которая претендует на полноту власти. Пока этого не произошло, с помощью коллективного, массового отказа, выраженного в пассивных формах, рабочие проявляют себя как «класс против капитала», еще до того, как у них появляется эта самостоятельная организация, до того, как у них есть это тотальное притязание на власть. Рабочий класс сам *творит* свое существование. Но вместе с тем он представляет собой артикуляцию¹ (*articolazione*)

1 Перевод понятия *articolazione* на русский язык проблематичен. Имеющий латинские корни, этот термин содержит в себе два ключевых семантических аспекта: 1. В связи с лингвистикой он обозначает выражение — неко-

и *распад* капитала. Капиталистическая власть стремится превратить антагонистическую волю рабочих к борьбе в двигатель собственного развития. Партия рабочего класса должна использовать это реальное опосредование интересов капитала рабочим классом и организовать его в антагонистической форме — как тактическую территорию борьбы и как стратегический разрушительный потенциал. Здесь для противостоящих друг другу классовых точек зрения существует одна-единственная точка отсчета, один-единственный ориентир, и это — рабочий класс. Вне зависимости от поставленной цели — будь то стабильное развитие системы или полное и безоговорочное ее уничтожение — решающее значение остается за рабочим классом. Общество *капитала* и *партия рабочего класса* суть противостоящие друг другу формы с одним и тем же содержанием. И в борьбе за это содержание одна форма исключает другую. Эти формы могут сосуществовать лишь в течение короткого отрезка времени: в период революционного кризиса. Рабочий класс не может конституировать себя как *партию* внутри капиталистического общества, не подорвав само функционирование этого общества. Пока оно функционирует, такая партия — это *не* партия рабочего класса.

217

торой мысли, идеи, интересов. 2. В связи с анатомией — сочленение, соединение чего-то с чем-то. В марксистской традиции понятие *articolazione* разрабатывалось А. Грамши, который, в свою очередь, заимствовал его из филологии, а также наследующей его работам Бирмингемской школой культурных исследований (С. Холл). Хотя Грамши систематически употребляет это понятие как в *L'Ordine Nuovo*, так и в «Тюремных тетрадах», переводы на русский язык не предлагают устоявшегося эквивалента. Термин переводился скорее ситуативно — как «орган», «выражение», «сочленение», «своеобразие» и т. д. или не переводился совсем. Для Тронти рабочий класс выступает как «артикуляция капитала» в том смысле, что: 1. пролетариат одновременно является частью капитала в рамках процесса создания стоимости (является органом капитала); 2. рабочий класс выступает «выражением» капитала, поскольку капитал «артикулирует» (выражает) свои интересы посредством рабочего класса. Согласно Тронти, марксизм является, прежде всего, революционной теорией, а уже во вторую очередь — теорией экономического развития, поэтому ключевым открытием Маркса является обнаружение тождества между рабочей силой как товаром и рабочей силой как *классом*: «Понятия *рабочей силы*, *живого труда* и *живого рабочего* являются синонимами [...] Живой товар, которым является социально организованный рабочий, таким образом, оказывается не просто теоретическим истоком, но также и исторической практической предпосылкой капиталистического общества, которую мы можем назвать его *фундаментальной артикуляцией*, одновременно и *составной частью* (Glied) и *основанием* (Grund)» [Tronti 2019: 112]. Для того чтобы сохранить концептуальную целостность текста, мы посчитали необходимым сохранить термин «артикуляция» в переводе. — *Прим. пер. и ред.*

Следует помнить: «существование класса капиталистов основано на производительной силе труда». Производительный труд, в таком случае, связан отношением не только с капиталом, но и с капиталистами как классом: и в этом последнем отношении он существует как рабочий класс. Вероятно, это исторический переход: производительный труд производит капитал; капиталистическое производство «организует» рабочий класс через индустрию; организация индустриальных рабочих в класс подталкивает капиталистов в целом к тому, чтобы конституировать себя как класс. Следовательно, при среднем уровне развития рабочие уже представляют собой социальный класс *производителей*: индустриальных производителей капитала. На этом уровне развития капиталисты представляются скорее социальным классом *организаторов*, нежели *предпринимателей*, ведь они посредством индустрии организуют рабочих. История промышленности представляет собой не что иное, как историю капиталистической организации производительного труда, т. е. историю капитала с точки зрения рабочего класса (*working-class history of capital*). При этом мы отнюдь не списываем со счетов «промышленную революцию». Однако наше исследование должно исходить из вышеизложенных предпосылок, если мы хотим понять современные формы господства капитала над рабочими (оно все больше устанавливается при помощи возрастающего применения объективных механизмов индустрии), и затем выяснить пути их возможного использования рабочим классом. Мы должны обратить особое внимание на момент, когда развитие отношений между живым трудом и постоянным капиталом насильственно подчиняется возникающим классовым отношениям между коллективным рабочим и капиталом в целом как социальными условиями производства. Таким образом, каждое технологическое изменение в механизмах индустрии определяется конкретными моментами классовой борьбы.

Подобное направление мысли дает нам два преимущества: во-первых, мы не попадаем в ловушку нейтральности, якобы характерной для отношений между человечеством и техникой; во-вторых, мы можем поместить эти отношения в совокупную историю борьбы рабочего класса и капиталистической инициативы. Определение современного общества как индустриальной «цивилизации» в корне неверно. Такая «индустрия» — всего лишь средство. В действительности современное общество является цивилизацией труда. Капиталистическое общество никогда не сможет быть чем-то иным. И именно поэтому в ходе своего исторического развития оно даже может принять *форму* «социализма». Итак, индустриального общества — общества капитала — не существует, вместо этого существует общество индустриального труда, т. е. общество труда рабочего класса.

Мы должны найти в себе мужество бороться с капиталистическим обществом на этих условиях. Разве рабочие делают не то же самое, когда выступают против своего начальства? Разве они не борются прежде всего против труда? Разве они не говорят «нет» превращению рабочей силы в труд? Не отказываются ли они главным образом от того, чтобы *получать* работу из рук капиталиста? Прекращение работы в действительности не означает отказа *предоставить* капиталу возможность использовать свою рабочую силу, так как она уже была ему предоставлена через юридический контракт, предусматривающий продажу и покупку этого конкретного товара. Более того, речь не может идти об отказе передать капиталу продукты труда, так как они по закону уже являются собственностью капитала, и рабочий все равно не знает, что делать с этой собственностью. Скорее, остановка рабочего процесса — забастовка как классическая форма борьбы рабочего класса — это отказ подчиниться капиталу, позволить ему играть роль организатора производства. Отказ работать — это способ сказать «нет» предоставлению конкретного труда в определенный момент производства, *точечная* (momentary) блокировка трудового процесса, угроза которой постоянно довлеет над процессом создания стоимости.

Анархо-синдикалистская «всеобщая забастовка», которая должна была спровоцировать крах капиталистического общества, несомненно, несет на себе след романтической наивности, характерной для примитивной фазы борьбы. Однако в действительности она уже подразумевает требование, которое якобы пытается оспорить, а именно лассалевское требование «справедливой доли плодов своего труда», т. е. более справедливой «доли» в прибылях капитала. На самом деле обе эти перспективы исходят из некорректной попытки исправить Маркса, которая впоследствии получила широкое распространение в практике официального рабочего движения. Эта корректировка исходит из идеи о том, что «работу создают» исключительно «рабочие люди», и что их долг состоит в том, чтобы защищать достоинство своего труда против всех, кто стремится его обесценить. Нет, общепринятая терминология верна, и именно капиталист создает работу. Рабочий — это *создатель капитала*. Ведь только он обладает уникальным, специфическим товаром, который является условием для всех остальных условий производства. Все остальные условия производства изначально являются лишь капиталом «в себе» — мертвым капиталом, который, чтобы обрести жизнь и превратиться в социальные отношения производства, должен подчинить себе рабочую силу как деятельность внутри капитала (under itself), сделать из нее субъекта капитала. Но капитал не может стать социальным отношением производства, пока в нем не появится также и классовое отношение, которое вместе с тем является его содержанием. При этом классовое отношение навязывается капиталу с того самого момента, когда про-

летариат *впервые* конституирует себя как класс, противостоящий капиталисту. Таким образом, рабочий *создает* капитал не только в том смысле, что он продает рабочую силу, но и в том, что он является *носителем* классового отношения. Как и в случае с имплицитной социальностью рабочей силы, классовое отношение также достается капиталисту бесплатно — вернее, он платит за издержки (никогда не являющиеся предметом договора) борьбы рабочего класса, которая время от времени нарушает процесс производства.

Не случайно рабочие выбирают эту сферу как место для атаки на работодателей, исходя из собственных тактических интересов, и поэтому производство — это сфера, где работодатель вынужден реагировать, постоянно внедряя «прорывные» технические разработки в организацию труда. Во всем этом процессе единственное, что не исходит от рабочего, — это именно работа. С самого начала условия труда находятся в руках капиталиста. А единственное, что с самого начала находится в руках рабочего, — это условия капитала.

220

Таков исторический парадокс, который знаменует рождение капиталистического общества, и который в дальнейшем будет сопровождать его «вечное возрождение». Рабочий не может быть *трудом*, кроме как по отношению к капиталисту, который ему противостоит. Капиталист, в свою очередь, не может быть *капиталом*, кроме как по отношению к противостоящему ему рабочему. Часто спрашивают, что такое социальный класс на самом деле? Ответ: *два* этих класса. Тот факт, что один занимает господствующее положение, не означает, что второй становится подчиненным. Скорее, он предполагает борьбу на равных, чтобы разорвать это господство и обратить его в новые формы, в господство над теми, кто до сих пор господствовал. Мы должны как можно скорее вернуться к образу пролетариата, который изображает его таким, какой он есть на самом деле — «гордым и угрожающим». Настало время для поиска свежего, учитывающего новый исторический опыт сравнения, которое напрямую противопоставило бы рабочий класс капиталу, как это сделал когда-то Маркс, сравнив «гигантские детские башмаки пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии» [Маркс 1955: 444].

Мы уже говорили, что условия капитала находятся в руках рабочего класса; без живой активности рабочей силы в капитале нет активной жизни; капитал уже с самого рождения является следствием производительного труда; и само капиталистическое общество обязано своим существованием рабочему классу как артикуляции капитала (*articolazione organica del capitale*). Иными словами, без классового отношения нет социального отношения, а без рабочего класса нет отношения классового. Если все это так, то можно заключить, что капиталистический класс с момента своего возникновения на самом деле подчинен рабочему классу.

Поэтому капитал не может обойтись без эксплуатации. Вместе с тем борьбу рабочего класса против железных законов капиталистической эксплуатации нельзя свести к вечному восстанию угнетенных против своих угнетателей. По этой же причине понятие эксплуатации нельзя свести к желанию отдельного работодателя обогатиться за счет извлечения максимального прибавочного труда из тел своих рабочих. Сугубо экономическое объяснение никогда не сможет противопоставить капитализму ничего, кроме морального осуждения системы. Мы отнюдь не пытаемся перевернуть проблему с ног на голову. Так получилось, что проблема «стояла на голове» уже с самого начала. Исторически эксплуатация возникла из потребности капитала избежать своего фактического подчинения классу рабочих-производителей. Именно в этом конкретном смысле капиталистическая эксплуатация в свою очередь провоцирует неповиновение рабочего класса.

Все более организованная эксплуатация, ее непрерывная реорганизация на самых высоких уровнях промышленности и общества — это вновь и вновь проявляющаяся реакция капитала на отказ рабочего класса подчиниться. Непосредственное политическое давление рабочего класса заставляет капитал экономически развиваться. Это развитие начинается со сферы производства и достигает всеобщего социального отношения. Вместе с тем политическая витальность рабочего класса, без которого капитал не может обойтись, является самой страшной угрозой для его власти. Мы уже рассматривали политическую историю капитала как череду попыток освободиться от классового отношения, как естественную попытку «обособления». Теперь мы можем представить этот процесс на более высоком уровне: как историю последовательных попыток капиталистического класса освободиться от рабочего класса при помощи различных форм политического господства капитала над рабочими. Поэтому капиталистическая эксплуатация, постоянная форма извлечения прибавочной стоимости в рамках производственного процесса на протяжении всей истории капитала сопровождалась развитием все более органических форм политической диктатуры на уровне государства.

В обществе капитала существует реальная экономическая потребность в политической власти, а именно — потребность силой заставить рабочий класс отказаться от своей социальной роли господствующего класса. С этой точки зрения, современные формы экономического планирования — суть не более, чем попытка навязать такую форму органической диктатуры в рамках демократии, как современной политической форме классовой диктатуры. Г. Мюрдаль указал на существующий среди интеллектуалов консенсус относительно будущего государства всеобщего благоденствия — общества, которое одинаково одобрили бы и Дж. С. Милль, и Маркс,

и Томас Джефферсон. Не исключено, что такое государство даже можно построить. Оно стало бы синтезом либерализма, социализма и демократии. Потенциальное согласие между либерализмом и демократией было бы установлено благодаря идеальному *опосредованию* в форме социального государства — системы, которая широко известна как «социализм». Но и в таком случае нам не избежать опосредования со стороны рабочего класса как минимум на уровне политической эрудиции. Рабочие, со своей стороны, увидят в таком «социализме» предельное выражение автоматического — иными словами, объективного — контроля над их движением неповиновения — политического контроля, который сегодня действует в экономической форме. Трансценденция государственного капитализма капиталистическим государством отнюдь не будущая возможность — это дело прошлого. Буржуазное государство уже не возвышается *над* капиталистическим обществом, но непосредственно является собственным государством капиталистического общества.

222

Когда же политическое государство начинает управлять по крайней мере частью экономического механизма? Тогда, когда этот экономический механизм начинает использовать само политическое государство как *инструмент производства*; т. е. в вышеупомянутом смысле как момент *политического воспроизводства* рабочего класса. Конец *laissez-faire* (неограниченной свободы предпринимательства), по сути, означает, что артикуляция капиталистического развития рабочим классом уже не может осуществляться на основе объективных спонтанных механизмов; отныне она должна быть субъективно навязана при помощи политической инициативы самих капиталистов, действующих как класс. Оставляя за скобками все пост- и неокейнсианские идеологии, именно Кейнс совершил беспрецедентный *субъективный* скачок в капиталистическом мировоззрении, сравнимый по своей исторической важности, пожалуй, лишь с тем скачком, который Ленин навязал точке зрения рабочего класса. Однако мы не можем признать, что в капиталистическом образе мысли свершилась «революция». При более пристальном анализе мы увидим, что все это уже содержалось в его предшествующем развитии. Капиталисты так и не изобрели — и в действительности вряд ли когда-либо смогут изобрести — не-институционализованную политическую власть. Ведь такой тип политической власти присущ только рабочему классу. На уровне политической власти два класса отличаются друг от друга именно этим: класс капиталистов не существует независимо от формальных политических институтов, при помощи которых он, пускай по-разному, но постоянно, осуществляет свое господство. По этой причине разрушение буржуазного государства означает реальное уничтожение власти капиталистов; эту власть можно уничтожить, только сокрушив государственную машину. В отношении

рабочего класса верно обратное — он существует независимо от институциональных уровней своих организаций. Уничтожение рабочего класса никогда не тождественно роспуску, разделу или уничтожению классового организма рабочих в целом. Сама возможность отмирания государства в обществе, где рабочие приходят к власти, относится к специфической природе этой проблемы. Класс капиталистов нуждается в опосредовании формальным уровнем политики, чтобы существовать. Как раз потому, что капитал является социальной властью, стремящейся подчинить себе все, он должен артикулировать свое господство в политических «формах», способных оживить его мертвую субстанцию в качестве объективного механизма и наделять его субъективной силой.

По своей природе капитал является непосредственно и исключительно *экономическим* интересом, и на заре собственной истории он представлял собой не более чем эгоистическую точку зрения индивидуального капиталиста. Однако перед лицом исходящей от рабочего класса угрозы он с целью самозащиты вынужден был организовать себя как *политическую силу* и подчинить себе общество в целом. Капитал становится классом капиталистов или, что то же самое, он организует себя в репрессивный государственный аппарат. Если верно, что понятие класса — это политическая реальность, то никакой капиталистический класс не может существовать без государства капитала. И так называемая буржуазная «революция» — завоевание политической власти «буржуазией» — представляет собой лишь длительный процесс исторического перехода, на протяжении которого капитал конституирует себя как класс капиталистов в антагонистическом отношении к рабочим.

Развитие рабочего класса происходит совершенно противоположным образом: когда рабочий класс начинает формально существовать на уровне политической организации, он напрямую инициирует революционный процесс и предъявляет единственное требование — требование власти. Но пролетариат уже давно существует как класс и в качестве такового он постоянно угрожает буржуазному порядку. Коллективный рабочий представляет собой совершенно особый вид товара, ведь он противостоит всем общественным условиям, включая социальные условия собственного труда. И именно по этой причине рабочий класс являет свою непосредственную политическую субъективность, частью которого является классовый антагонизм, как нечто изначально ему — классу — присущее. С самого начала пролетариат представляет собой не более чем прямой *политический интерес* в разрушении всего существующего. В своем внутреннем развитии он не нуждается в «институтах», чтобы претворить в жизнь свою сущность, ведь его сущность — это не что иное, как *живая сила* этого непосредственного разрушения. И все-таки

пролетариат нуждается в *организации*, чтобы объективировать политическую власть своего антагонизма по отношению к капиталу, чтобы артикулировать эту власть в рамках материальной реальности классовых отношений в любой конкретный момент, и для того, чтобы превратить эту власть в действенную наступательную силу в краткосрочной перспективе с помощью *оружия тактики*. Поэтому пролетариат нуждается в организации еще до того, как она станет оружием, направленным на то, чтобы отобрать власть у тех, кто ей обладает. Маркс обнаружил существование рабочего класса задолго до возникновения политических форм, выражающих его политически: значит, для Маркса *класс имеет место и без партии*. С другой стороны, ленинская партия своим существованием создала иллюзию того, что конкретный процесс революции рабочего класса уже происходит. В действительности, для Ленина *класс становится революцией в действии, когда организует себя как партию*. Два этих тезиса дополняют друг друга, также, как и фигуры Маркса и Ленина. Чем сегодня являются для нас два этих деятеля, если не достойными восхищения предвестниками уготованного рабочему классу будущего?

224

Если класс не идентичен партии, и при этом мы можем говорить о классе только на политическом уровне; если классовая борьба существует в отсутствие партии, и при этом любая классовая борьба все же является политической борьбой; если класс совершает революцию через партию — или, иными словами, претворяет в жизнь то, что он есть, — разрушая *на практике* все, что он должен разрушить в теории, *совершая скачок* от стратегии к тактике, и только таким образом может *захватить* власть, забрав ее у тех, в чьих руках она находилась, чтобы организовать эту власть своими собственными руками в новых формах... Если все это так, то мы должны сделать вывод, что отношения между классом, партией и революцией гораздо более тесные, определенные и при этом исторически конкретные, нежели принято считать даже среди марксистов. Мы не можем отделить понятие революции от классового отношения. Но классовое отношение впервые устанавливается как таковое рабочим классом. Таким образом, *понятие революции и реальность рабочего класса становятся одним и тем же*. Как не может быть *классов*, пока пролетариат не возникнет как класс, так не может быть *революции*, пока не найдет воплощения та разрушительная воля, носителем которой является рабочий класс в самом своем существовании. Точка зрения рабочего класса ничего не выигрывает от того, чтобы определять потрясения прошлого через понятие «революции». Попытка вернуться к некоему «историческому прецеденту», который якобы предвосхищает и предопределяет рабочее движение в настоящем, является попросту реакционной, она воплощает консерватизм, который блокирует движение, помещая его в рамки ограниченных горизонтов тех, кто сегодня контролирует развитие общества

и ход истории. Для точки зрения рабочего класса нет ничего более чуждого, чем оппортунистический культ исторической преемственности, и нет ничего более отвратительного, чем концепция «традиции». Рабочие признают только одну преемственность — преемственность их собственного прямого политического опыта; признают только одну традицию — традицию своей борьбы. Так почему же мы должны признавать, что буржуазия когда-либо была способна организовать революцию? Зачем пассивно воспринимать как факт внутренне противоречивую идею «буржуазной революции»? Существовал ли когда-нибудь *буржуазный* класс? Ибо если, следуя ошибке исторического материализма, мы принимаем буржуазный класс за возникший впоследствии класс капиталистов, тогда мы должны объяснить, как функционирует органическая связь между классом и революцией, и сделать это в свете исторического опыта, который видит не так называемый буржуазный класс, совершающий свою революцию, а так называемую буржуазную революцию, закладывающую необходимые основы для появления класса капиталистов, которое становится возможным только после долгого процесса борьбы.

На данном этапе требуются многочисленные конкретные исследования, способные изменить интерпретацию, из-за которой марксистская «традиция» слишком долго задышалась в теоретических схемах, не просто неверных, но чреватых политическим поражением. Начать можно с самого базового исторического исследования. Кроме того, мы полагаем, что пришло время попытаться реконструировать характерные для внутренней реальности капитализма факты, моменты становления и внутренних трансформаций, которые раскрываются — и могут быть раскрыты — только с точки зрения рабочего класса. Пора начинать писать *историю капиталистического общества с точки зрения рабочего класса*. Историю, которая может стать мощным, грозным и сокрушительным оружием для теории, задействованной в революционной практике борьбы с капитализмом. Теоретическая реконструкция и практическое разрушение отныне должны идти только вместе, как две ноги единого тела, которым является рабочий класс. По замечанию Маркса, пролетарские революции, «постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит

властно: *Hic Rhodus, hic salta!*» (из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» [Маркс 1957: 123]).

Но мы бы сказали, что это не процесс «пролетарских» революций. Это процесс революции *как таковой*. Это революция *как процесс*. Сама суть рабочего класса, его точки зрения и специфика его борьбы говорят о том, что только рабочий класс может быть *революционным процессом*. Буржуазные революции, замечает Маркс, «стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска» [Маркс 1957: 122]. Мы должны пойти дальше и сказать, что это не революции, а нечто особое в каждом случае, будь то: государственные перевороты, кризисы режима, сдвиги в формах власти; передача власти от одной части класса другой части того же класса; или внезапная реорганизация господства этого класса над классом-антагонистом.

226

Классическая модель буржуазной «революции», изобретенная историческим материализмом, подразумевает, что стремительный захват политической власти происходит лишь по завершении длительного, последовательного процесса установления экономической власти. Поэтому класс, который уже господствует над всем обществом, может заявить о своих притязаниях на управление государством. В том, что эта детская схема легла в основу пары-тройки книг по истории, нет ничего страшного, ведь это самое малое, чего можно ожидать от «книги по истории». Но в марксистском лагере за ошибки теории платят крайне высокую практическую цену: слишком много рабочих ощутили жестокие последствия этого закона на своей собственной шкуре. Попытка применить модель буржуазной революции к ходу революции рабочего класса привела к стратегическому краху движения. Мы должны всегда помнить об этом. Копируя «буржуазную» модель, рабочие должны были бы на деле продемонстрировать свою способность экономически управлять обществом, — естественно, в этом отношении их способности значительно превышают способности капиталистов — и на этой основе претендовать на руководство государством. Таким образом, взяв на себя управление капиталом, рабочий класс должен был бы встать на наиболее верный, «классический» путь к социализму. С точки зрения исторического материализма, социал-демократия теоретически — самое ортодоксальное рабочее движение. А единственное, чем, в свою очередь, занималось коммунистическое движение, — попытки сломать и перевернуть логику, по сути, социал-демократической теории в различных (в зависимости от необходимости) аспектах своей практики.

Впрочем, разделительная линия между социал-демократией и коммунистическим движением была четко обозначена еще в самом начале. И если внутренняя история рабочего класса будет реконструирована — наряду с историей капитала, то она, несомненно, будет включать в себя организационный опыт обоих течений, хотя их значение и роль существенно различаются. Можно сказать, что между разными моментами борьбы рабочего класса существует качественное различие. 9 августа 1842 года, когда 10 000 рабочих прошли маршем по Манчестеру во главе с чартистом Ричардом Пиллингом, чтобы принудить к переговорам промышленников на Манчестерской бирже и посмотреть, что происходит на рынке¹, сильно отличалось от воскресенья 28 мая 1871 года в Париже, когда генерал Галиффе велел расстрелять всех взятых в плен мужчин, если их волос коснулась седина, потому что «они были там не только в марте семьдесят первого, но и в июне сорок восьмого». Мы ни в коем случае не должны сводить первый случай к наступлению рабочих, а второй — к репрессиям со стороны капиталистов, ведь, возможно, все как раз наоборот. И правда, в обоих случаях речь идет об артикуляции капиталистического развития рабочим классом. В первом случае, однако, возникает позитивная для функционирования системы инициатива, которой не хватает лишь институциональной организации; во втором же случае рабочие действительно говорят «нет», отказываясь от управления общественным механизмом в его нынешнем виде просто ради его улучшения — такое «нет» может быть подавлено только чистым и неприкрытым насилием. Подобное качественное различие может существовать даже в едином контексте рабочего класса — так отличаются друг от друга *требования профсоюзов* и *политический отказ*.

227

Социал-демократия, даже завоевав политическую власть в государстве, никогда не выходила за рамки ограниченных профсоюзных требований к начальству. Коммунистическое движение, напротив, в рамках отдельных, кратковременных эпизодов, блокировало мирное развитие капиталистической инициативы, используя оружие «партии, отказывающейся от сотрудничества» (*party-of-non-collaboration*). Если бы рабочим пришлось выбирать между этими *историческими* направлениями, выбор был бы довольно простым. Но проблема состоит

1 Имеется в виду волна забастовок, охватившая несколько регионов Англии, Шотландии и Южного Уэльса весной-летом 1842 года после того, как 2 мая парламент отверг вторую петицию чартистов с требованиями расширения избирательного права; в забастовках приняло участие около полумиллиона шахтеров и ткачей. 9 августа бастующие рабочие местных ткацких фабрик собрались в Манчестере, требуя возвращения к уровню заработной платы 1840 года и принятия Народной хартии в качестве местного закона. Ричард Пиллинг (1799-1874) — ткач и один региональных лидеров чартистов. — *Прим. ред.*

не в этом. Весь вопрос в том, какую цену мы готовы заплатить на уровне теории, если примем традицию борьбы коммунистического движения как свою собственную. Любой ответ на этот вопрос зависит от того, каких непосредственно практических результатов мы хотим достичь, если пойдем по этому пути. Здесь стоит сразу предостеречь против субъективной иллюзии, исходя из которой стратегическое сокрушение существующего порядка означает, что *сначала* должна возникнуть наука рабочего класса, а *затем* на ее основе будет построена первая истинная организация классового движения. Вместо этого мы должны сконцентрироваться на конкретном внутреннем развитии рабочего класса, на политическом росте его борьбы и использовать этот рост как рычаг для дальнейшего скачка вперед. Мы должны сделать это, не прибегая к объективизму, не обращаясь к истокам, не начиная с нуля. Повторим, мы должны осмыслить грубое пролетарское происхождение современного рабочего и использовать это знание на пользу сегодняшней борьбы и организации. Следует дать однозначный отпор модному образу «нового рабочего класса», который странным образом все время перерождается и обновляется благодаря технологическим прорывам капитала, будто бы речь шла о научно-испытательной лаборатории.

228

В то же время нам не следует отказываться от мятежного прошлого рабочего класса, включающего в себя череду ожесточенных восстаний или так называемых «отчаянных безрассудств». Мы не должны повторять ошибки отстраненных историков, которые при виде возводящих баррикады народных масс сразу списывают их со счетов как «народное восстание», обнаруживая «подлинную» борьбу рабочего класса исключительно в более поздних формах переговоров с коллективным капиталистом. Можно ли считать события 1848, 1871 и 1917 годов *борьбой рабочего класса*? Эмпирически и исторически мы могли бы показать, что в каждом из этих эпизодов еще не была достигнута та степень развития, которая могла бы оправдать цели, фактически поставленные в рамках этих событий. Но просто попытайтесь реконструировать само понятие рабочего класса и его политическую реальность без июньских мятежников, без коммунаров и большевиков. Все что останется — пустая форма, запечатленная на бумаге безжизненная модель. Конечно, рабочий класс — не «народ». Но рабочий класс происходит из народа. И поэтому всем, кто принимает точку зрения рабочего класса (и нам в том числе), нет необходимости «идти в народ». Ведь мы сами из *народа и вышли*. Точно так же, как рабочий класс политически освобождается от народа, когда перестает занимать позицию подчиненного класса (*subaltern class*), так же и наука рабочего класса порывает с наследием буржуазной культуры в тот самый момент, когда отказывается принимать точку зрения общества в целом, но встает на точку зрения той его части, которая стремится низвергнуть это общество.

В действительности Культура, как и понятие Права, о котором говорит Маркс, всегда буржуазна. Иными словами, она всегда является отношением между интеллектуалами и обществом, интеллектуалами и народом, интеллектуалами и классом. Таким образом, она всегда опосредует конфликты, позволяя решать их через нечто третье. Если культура — это воссоздание тотальности человека, поиск его человечности в мире, призывание к сохранению единства чего-то разделенного, — то она по своей природе реакционна и должна рассматриваться как таковая. Понятие культуры рабочего класса как *революционной* культуры столь же противоречиво, как и понятие буржуазной революции. Эта идея содержит в себе жалкий контрреволюционный тезис, согласно которому рабочий класс якобы должен заново прожить весь опыт истории буржуазии. Миф о том, что буржуазия имела «прогрессивную» культуру, которую теперь должно подхватить рабочее движение, подобрав ее из пыли, в которую ее вместе с затертыми старыми знаменами сбросил капитал, перенес марксистские теоретические исследования в область фантазий. Но, кроме того, этот миф навязал в качестве «реалистичной» повседневной практики *сохранение традиции*, которую следует принять и беречь как наследие всего прогрессивного человечества.

229

Выйти из этого тупика, как и в других случаях, поможет сокрушительный удар свирепой силы. Критика идеологии должна сознательно принять точку зрения пролетариата как *критику культуры* и усердно работать над тем, чтобы разрушить все существующее, отказываясь строить нечто новое на старом фундаменте. Человек, Разум, История... с этими безобразными божествами нужно бороться и уничтожать их так же беспощадно, как власть господ-капиталистов. Нет, капитал отнюдь не предал забвению этих древних богов. Он всего лишь превратил их в религию официального рабочего движения, и именно таким образом они продолжают активно управлять миром. Между тем отрицание этих богов, которое по самой своей сути представляет смертельную опасность для капитала, на самом деле напрямую управляется капиталом. Поэтому антигуманизм, иррационализм, антиисторизм не могут быть практическим оружием в руках рабочего класса, ведь они являются продуктами культуры в капиталистических идеологиях. Значит, культура — не в силу того или иного конкретного облика, который она принимает в современный период, но как раз в силу непрерывности своей формы, культура *как культура* — становится посредником социальных отношений капитализма, функцией его продолжительного сохранения. «Оппозиционная» культура тоже не избежала этой участи, поскольку она лишь облекает тело идеологий рабочего движения в привычное платье буржуазной культуры.

Нас здесь не интересует, могла ли в какой-то момент истории существовать фигура интеллектуала-на-стороне-рабочего-класса или

нет. Ибо сегодня существование такой политической фигуры совершенно невозможно. Органические интеллектуалы рабочего класса стали единственным, чем они только и могли быть: органическими интеллектуалами рабочего движения. Они нужны старой партии, старой форме организации вне класса. На протяжении десятилетий они обеспечивали отношения между партией и обществом, не имея никакой связи с фабрикой. Но теперь, когда фабрика заставляет себя услышать, когда капитал призывает их вернуться на производство, интеллектуалы превратились в объективных посредников между наукой и промышленностью. Такова новая форма, которую сегодня принимает традиционное отношение между интеллектуалами и партией. Так, наиболее «органическим» интеллектуалом является сегодня тот, кто изучает рабочий класс, применяя на практике достойную наивысшего осуждения буржуазную науку — а именно, индустриальную социологию — т. е. тот, кто изучает рабочее движение в интересах капиталиста. Мы должны полностью отвергнуть подобную практику. Нельзя решить проблему при помощи культуры, которая «занимает сторону рабочего класса», т. е. при помощи фигуры интеллектуала рабочего класса.

230

Не существует никакой другой культуры или интеллектуалов, кроме тех, что стоят на службе у капитала. Все это тесно связано с ранее выдвинутым тезисом: рабочий класс не может разыгрывать буржуазную революцию, не может идти по ее следам. Потому что не может и никогда не могло быть революции вне рабочего класса, вне того, чем является этот класс и вне тех действий, которые он вынужден предпринимать. Критика культуры означает *отказ становиться интеллектуалами*. Теория революции подразумевает непосредственную практику классово́й борьбы. Здесь возникает то же отношение, которое существует между наукой рабочего класса и критикой идеологии. Между ними находится момент подрывной практики. Мы уже говорили, что точка зрения рабочего класса неотделима от капиталистического общества. Стоит добавить: она неотделима от практических потребностей классово́й борьбы внутри капиталистического общества.

Каковы же эти потребности? И, что еще важнее, нужна ли *новая стратегия*? Если она действительно нужна, то главной и неотложной задачей борьбы сегодня будет поиск этой стратегии, ее составление и разработка. Сегодня для науки нет более важной задачи. Новые, полные мужества интеллектуальные силы должны быть направлены на ее решение. Могучие умы должны приступить к коллективной работе внутри этой единственно возможной перспективы. Новая форма антагонизма должна захватить науку рабочего класса, перековать ее для новых целей, чтобы затем преодолеть ее в абсолютно политическом практическом действии. Формой этой борь-

бы является отказ, организованное «Нет!», которое говорит рабочий класс: отказ от активного сотрудничества в капиталистическом развитии, отказ выдвигать позитивную программу требований. Зачатки этих форм борьбы можно обнаружить уже на заре истории капитала с точки зрения рабочего класса (*working-class history of capital*), с того самого момента, когда первые пролетарии конституировали себя как класс. Но полное развитие, в котором раскрывается реальное значение этих форм, происходит гораздо позже, и сегодня в них все еще можно обнаружить стратегию будущего.

Возможности материального осуществления отказа возрастают с количественным увеличением рабочего класса, с его все большей унификацией и концентрацией, по мере того как он качественно развивается и становится внутренне гомогенным, по мере того как ему все лучше удается организовать в движение за установление полноты своей власти. Эти формы предполагают процесс накопления рабочей силы, которое в отличие от накопления капитала обладает непосредственно политическим значением. Накопление рабочей силы подразумевает рост и концентрацию не просто экономической категории, но классового отношения, лежащего в ее основе, поэтому оно является накоплением политической власти, уже сразу заключающей в себе альтернативу, даже до того, как она будет организована при помощи «колоссальных коллективных средств». Следовательно, отказ — это форма борьбы, которая развивается одновременно с рабочим классом. А рабочий класс одновременно является политическим отказом от капитала и производством капитала как экономической власти. Это объясняет, почему политическая борьба рабочего класса и сфера капиталистического производства всегда образуют единое целое. В той степени, в которой они не могли быть приняты капиталом, самые первые пролетарские требования объективно выполняли функцию отказа, ставящего под угрозу всю систему. Каждый раз, когда позитивные требования рабочих выходят за очерченные капиталом границы, они выполняют эту объективно *негативную* функцию чистого и простого политического блокирования механизма экономических законов. Поэтому каждый конъюнктурный переход, каждое структурное улучшение экономического механизма должно изучаться в его конкретных моментах, но лишь для того, чтобы с точки зрения рабочего класса ответить на вопрос, на какие уступки капитал не готов пойти сегодня. В таких условиях *требование-как-отказ* (*demand-as-refusal*) запускает цепь кризисов в капиталистическом производстве, каждый из которых создает возможности для повышения уровня организации рабочего класса.

По мере совместного развития рабочих и капитала классовая борьба *упрощается*. Необходимо осознать стратегическую важность

этого процесса во всей ее полноте. Неверно говорить о том, что «элементарный» характер первых столкновений между пролетариями и отдельными капиталистами впоследствии чрезвычайно усложняется, поскольку массы рабочего класса сталкиваются с современной инициативой большого капитала. На самом деле верно как раз обратное. В начале содержание классовой борьбы имело два лица — рабочее и капиталистическое, которые еще не были радикально отделены друг от друга. Борьба за ограничение рабочего дня поучительна в этом отношении. Более того, платформы требований, которые рабочие десятилетиями предъявляли капиталистам, имели — и могли иметь — только один результат: «улучшение» эксплуатации. Улучшение условий жизни рабочих было неотделимо от более широкого экономического развития капитализма. Что касается официального рабочего движения, то и профсоюзное, и, позднее, реформистское направления в своих попытках экономической организации рабочих функционировали в рамках этого развития. Не случайно в нашем описании мы предпочли выделить моменты борьбы рабочего класса, которые бросают вызов политической силе капитала, пускай даже не на слишком продвинутом социальном уровне. Дело в том, что историческое пространство классовой борьбы, которая никуда из мира не исчезла, должна быть сведена к простому и прямому столкновению антагонистических сил только при условии, что мы будем работать над анализом кульминационных моментов последовательности событий и критиковать их результаты. Таков ландшафт, в котором классовая борьба всегда осложнялась и опосредовалась извне различными ситуациями, даже такими политическими ситуациями, которые сами по себе не были классовой борьбой. Значение этих ситуаций уменьшается по мере того, как исчезают остатки докапиталистического прошлого, а утопические проекты будущего доказывают свою несостоятельность для рабочего класса. Этот процесс в конечном итоге открывает субъективную возможность замкнуть классовую борьбу на цепь настоящего именно для того, чтобы разорвать ее. Поэтому мы должны с точки зрения рабочего класса осмыслить не только количественный рост и массивизацию антагонизма, не только его все более однородное внутреннее единство, но и последующее постепенное восстановление его примитивной, прямой, элементарной природы. Иными словами, увидеть в нем противостояние двух классов, каждый из которых дает жизнь другому, но при этом лишь один из них держит в своих руках потенциальную гибель противника. Оставляя в стороне более ранние периоды истории и продвигаясь к высшей точке развития, мы видим, насколько очевидна простейшая из революционных истин: капитал *не может* уничтожить рабочий класс, но рабочий класс *может* уничтожить капитал. Поэтому, исходя из этих фундаментальных предпосылок, кухарке, которая

может, по выражению Ленина, управлять рабочим государством, следует дать возможность стать теоретиком науки рабочего класса.

Таким образом, требования рабочего класса становятся все более простыми и унифицированными. Придет момент, когда все они уступят место одному-единственному требованию — передачи всей власти рабочим. Такова высшая форма отказа. Она уже предполагает фактическое переворачивание отношений господства и подчинения между двумя классами. Иными словами, подобный отказ подразумевает, что теперь выдвигать требования, выступать с позитивными запросами и представлять свой билль о правах будет именно капиталистический класс, разумеется, во имя всеобщих общественных интересов. А рабочим, в свою очередь, предстоит отвергнуть то, что от них потребуют. Настанет момент, когда все запросы и требования будут исходить от капиталистов напрямую, а рабочий класс будет открыто провозглашать свое «нет». Речь идет не о событиях далекого будущего, а о тенденции, которая прослеживается уже сегодня, и мы должны ухватить ее значение, чтобы суметь ее контролировать.

Когда капитал достигает высокого уровня развития, он уже не ограничивает себя гарантиями сотрудничества трудящихся. Другими словами, ему достаточно обеспечить активное извлечение живого труда в рамках мертвого механизма собственной стабилизации, в котором он нуждается больше всего. На важных этапах капитал переходит к выражению своих объективных потребностей через субъективные требования рабочих. Исторически, как мы видели, это уже происходило. Потребности капиталистического производства на протяжении всей истории капитала навязывались как требования рабочего класса, и единственное, что может объяснить это, — постоянная артикуляция капиталистического общества рабочим классом. Но если в прошлом этот процесс был объективной частью функционирования системы, делая ее почти саморегулирующейся, то сегодня он происходит по сознательной инициативе капиталистического класса, через современные инструменты аппарата его власти. В промежутке между этими двумя моментами произошло судьбоносное событие, когда борьба рабочего класса не ограничилась требованием власти, а фактически завоевала ее. Именно 1917 год и Русская революция навязали капиталистам субъективную артикуляцию капитала рабочим классом. С этого момента власть имущим пришлось политически поощрять и сверху контролировать то, что раньше функционировало само по себе и никем не контролировалось, как некий слепой экономический закон. Только так можно было контролировать объективный процесс, таков был единственный способ победить подрывную угрозу возможных последствий. Здесь кроется секрет происхождения субъективного

сознания капитала, которое позволило ему разработать и воплотить в жизнь план общественного контроля над всеми моментами своего цикла, в рамках непосредственного капиталистического использования артикуляции капитала рабочим классом. Таким образом, опыт борьбы рабочего класса еще раз спровоцировал крупный сдвиг капиталистической точки зрения — сдвиг, который капитал никогда бы не совершил без импульса извне.

Сами капиталисты теперь признают субъективные требования рабочих в качестве объективных потребностей производства капитала. Эти требования уже не подчинены капиталу, но их настойчиво добиваются сами капиталисты, их не отвергают, но выносят на коллективные переговоры. Здесь решающую и исключительную важность обретает опосредование, происходящее на институциональном уровне рабочего движения, в частности на уровне профсоюзов. Платформа требований, которую выдвигает профсоюз, обсуждается и проверяется теми людьми, которые по идее должны ее выполнять, боссами, которые должны быть поставлены перед ультиматумом. Ограниченные деятельностью профсоюзов требования рабочего класса могут лишь отражать потребности капитала. И все-таки капитал не может напрямую навязать эту необходимость, даже при желании, даже когда его классовое сознание достигает наивысшего развития. Скорее, в этот момент он обретает противоположное сознание: капитал *должен* найти способ выдвигать свои требования через собственных врагов, он *должен* артикулировать собственное движение через организованное рабочее движение. Мы могли бы спросить: что происходит, когда форма организации рабочего класса обретает абсолютно противоположное содержание? Когда такая организация отказывается функционировать как артикуляция капиталистического общества? Когда она отказывается *удовлетворять* потребности капитала, выполняя требования рабочего класса? Ответим: в тот момент и начиная с того момента, весь механизм развития системы останавливается.

Такова новая концепция *кризиса капитализма*, которую нам следует популяризировать: мы уже не говорим об экономическом кризисе, катастрофическом крахе (*Zusammenbruch*), пускай и не долговременном, связанном с неспособностью системы бесперебойно функционировать. Скорее, это будет политический кризис, навязанный субъективным движением организованных рабочих. Этот кризис вызывается цепью решающих моментов, созданных стратегией рабочего класса, направленной на отказ разрешать противоречия капитализма, и его тактикой организации в рамках структур капиталистического производства, но за пределами и вне зависимости от его политической инициативы. Необходимость блокировать экономический механизм капитала, чтобы в решающий мо-

мент обезглавить его, безусловно, сохраняется. Но единственный способ добиться этого состоит в отказе рабочего класса от активного участия во всем социальном процессе и, более того, в его отказе даже *пассивно* способствовать развитию капитала. Иными словами, рабочий класс должен отказаться от формы массовой борьбы, которая сегодня объединяет рабочее движение в развитых капиталистических странах. Следует однозначно признать, что подобной формы борьбы — и мы называем вещи своими именами — сегодня недостаточно. На протяжении десятилетий борьба рабочего класса сводилась к не-сотрудничеству, пассивности (даже в массовом масштабе) и отказу, но она не была политической, субъективно организованной, не была частью стратегии и не велась даже тактически, т. е. была в высшей степени спонтанной. Сегодня спонтанной формы борьбы не просто недостаточно для того, чтобы разразился кризис, но благодаря ей капиталистическое развитие даже стабилизировалось. Она превратилась в объективный механизм, позволяющий капиталистической инициативе контролировать и использовать необходимое для ее развития классовое отношение. Мы должны покончить с этим процессом, пока он не превратился в очередную историческую традицию рабочего движения. Мы должны перейти к другому процессу, сохранив при этом главные позитивные моменты спонтанного отказа. Очевидно, не-сотрудничество должно стать отправным пунктом, а массовая пассивность на уровне производства — это материальный факт, с которого следует начинать.

235

Однако в определенный момент спонтанность должна превратиться в свою противоположность. Когда дело доходит до того, чтобы действительно сказать «нет», отказ рабочих должен стать политическим, а значит, активным, субъективным и организованным. Он должен вновь превратиться в антагонизм — на этот раз на более высоком уровне. Лишь так можно начать революционный процесс. Это не вопрос внушения рабочим массам сознания, что они должны бороться против капитала ради чего-то, что, будучи свободным от капиталистических оков, приведет к созданию совершенно нового человеческого общества. Для нас так называемое «классовое сознание» представляет собой не более чем момент организации, функцию партии и проблему тактики, т. е. каналы, по которым стратегический план должен дойти до практического прорыва. На уровне чистой стратегии нет сомнений, что этот момент достигается лишь на крайне высокой стадии, когда гипотеза борьбы становится реальностью: рабочий класс отказывается выдвигать требования к капиталу, полностью отвергает профсоюзную борьбу, отказывается ограничивать классовое отношение официальной, юридической, контрактной формой. Это то же самое, что заставить капитал представить объективные потребности своего собствен-

ного производства напрямую и отказаться от опосредования его развития рабочим классом. Такой отказ блокирует артикуляцию механизма рабочим классом. В конечном счете это означает лишить капитал своего содержания, т. е. классового отношения, лежащего в его основе. В течение какого-то времени классовым отношением должен через свою партию управлять рабочий класс — ровно также как вплоть до сегодняшнего дня им управлял класс капиталистов через свое государство.

Именно в этот период баланс господства и подчинения между классами опрокидывается не просто в теории, но на практике. В ходе революционного процесса рабочий класс действительно становится тем, чем является: правящим классом на собственной — сугубо политической — территории; он становится одержавшей победу властью, которая, разрушая настоящее, берет реванш за все прошлое (и не только свое собственное) угнетение и эксплуатацию. Таков смысл гипотезы, согласно которой на высшем этапе развития этого процесса капитал выдвигает собственные *требования*, а рабочий класс отвечает *отказом*. Все это подразумевает предшествующее возникновение и рост организованной политической силы рабочего класса, которая обладает автономной властью принимать решения, касающиеся общества в целом. Такая сила является своего рода ничейной землей, недостижимой для капиталистического порядка, откуда в любой момент готовы выступить новые варвары пролетариата. Стало быть, заключительный акт революции предполагает, что рабочее государство уже существует внутри капиталистического общества. Другими словами, рабочие уже должны иметь собственную власть, которая принимает решение о том, что капитализму должен быть положен конец. Но такое рабочее государство не является прообразом будущего, потому что будущее, с точки зрения рабочего класса, не существует. Единственное, что существует, — это возможность заблокировать настоящее, прервать его дальнейшее функционирование при текущей организации; это возможность реорганизовать настоящее при помощи перевернутого понятия власти. Автономная политическая власть рабочего класса — это единственное оружие, способное остановить работу экономических механизмов капитала. И только в этом смысле сегодняшняя партия — это завтрашнее рабочее государство.

Здесь мы вновь возвращаемся к идее, автором которой мы считаем Маркса, — идее коммунизма как партии. Такая партия на месте модели для строительства будущего общества ставит практический орган разрушения настоящего; в такой партии сходятся все революционные потребности рабочего класса. Добавим, что партия совершает главный необходимый для революции рабочего класса сдвиг, производя стратегическое переворачивание, согласно которому

рабочие отказываются от требуемой капиталистами артикуляции капитала рабочим классом. Это открытие не без оснований остается неразрывно связанным с ленинистской инициативой большевистской Октябрьской революции. Тогда партия взяла на себя ответственность за тактическое действие в интересах класса, и по этой причине класс одержал победу. При этом не предполагалось, что рабочее государство, возникшее на этой основе, выйдет за рамки задач, которые ставит себе партия в рамках капиталистического общества. Но тактика Ленина стала стратегией Сталина, что, с точки зрения рабочего класса, обернулось провалом советского проекта. Сегодня мы должны усвоить этот урок и постоянно удерживать в поле внимания оба момента революционной деятельности: *стратегию класса и тактику партии*, никогда не отделяя их друг от друга как в теории, так и на практике.

Библиография/ References:

Marx K. (2010 [1844]). *Critical Notes on the Article: "The King of Prussia and Social Reform. By a Prussian"*. *Marx and Engels Collected Works* (MECW), 3: 189-206¹.

Marx K. (2010 [1852]). The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. *Marx and Engels Collected Works* (MECW), 11: 99-197².

Tronti M. (2019 [1966]) *Workers and Capital*. Translated by David Broder, London; New York: Verso.

237

Рекомендация для цитирования:

Тронти М. (2020) Стратегия отказа. *Социология власти*, 32 (1): 215-237.

For citations:

Tronti M. (2020). The Strategy of Refusal. *Sociology of Power*, 32 (1): 215-237.

Поступил в редакцию: 05.01.2020; принят в печать: 22.01.2020

Received: 05.01.2020; Accepted for publication: 22.01.2020

1 Ссылки даны по русскому переводу: Маркс К. (1955 [1844]). Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа». В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы. 1: 430-448.

2 Ссылки даны по русскому переводу: Маркс К. (1957 [1852]). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы. 8: 115-217.